РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Примерно к концу августа хлебозаготовительная кампания ещё и усилилась. День и ночь нам напоминали, что мы всё ещё отстаём в выполнении плана хлебосдачи. Каждый день на эту тему проводили бесконечные собрания. Всё это выходило за пределы нашего понимания. Мы уже больше двух лет были колхозниками. Это означало, что у нас не было собственной земли, а значит, как подсказывает здравый смысл, мы не могли иметь и никакого собственного зерна. С тех пор как началась коллективизация, государственная хлебозаготовительная комиссия по нескольку раз перетряхнула всё село и забрала все зерновые запасы, которые у нас были. Вследствие этого наши крестьяне медленно умирали от голода. Это видел каждый, кто появлялся в нашем селе. Только тысячники и другие представители партии и властей делали вид, будто ничего не замечают. Они продолжали обыскивать наши дворы и забирали каждое зернышко, которое ещё находили.

Где-то в то же время, в конце августа, распространился слух, что нам уже не будут разрешать ничего покупать в сельском магазине. А однажды нас созвали на собрание стохатки и объявили, чо вышел новый закон против спекуляции товарами повседневного спроса. Крестьянам, которые не выполнили своих норм сдачи зерна и других продуктов, отныне запрещается покупать товар в государственных магазинах. Чтобы купить какой-нибудь товар, покупатель должен был показать справку из сельсовета о том, что он выполнил все нормы поставок государству. Поскольку все магазины на то время уже принадлежали государству, а никто в нашем селе не в состоянии был выполнить всех норм поставок, то и купить никто ничего не мог. Та-

ким образом нас лишали возможности удовлетворять самые элементарные потребности цивилизованной жизни. Большинство из нас, например, теряли доступ к такой роскоши, как керосиновая лампа для освещения, так как не могли купить керосин. А те убогие продукты, которые у нас были, – в основном овощи – нам приходилось есть несолёными. Мы должны были умываться без мыла, потому что нас лишили права его покупать. А о других вещах первой необходимости, таких как сахар, я уже и не вспоминаю, потому что мы и так их не видели в селе года два.

Позже выяснилось, что этот закон был ещё суровее, чем нам казалось вначале. Крестьяне бросились в соседние города, где они могли купить товары для домашних нужд на чёрном рынке. Но, в соответствии с этим же законом, все покупатели на таком рынке причислялись к спекулянтам, и для них были установлены сроки заключения в тюрьмах или лагерях от пяти до десяти лет, без права на досрочное освобождение или амнистию. То есть, если крестьянин, купив на чёрном рынке иголку, катушку ниток, пару чулок или фунт соли, был при этом пойман, его осуждали за спекуляцию иногда на целых десять лет принудительных работ далеко на российском севере.

Но всё-таки наконец наступило некоторое облегчение. В сентябре 32-го года мы в счёт аванса получили натуроплату: по 200 жалких граммов пшеничного зерна на трудодень. А через месяц нам ещё дали немного картошки, свёклы и лука. Это были все продукты, которые должны были продержать нас живыми до следующего урожая. Ни один крестьянин, который работал в поле, не в состоянии был набрать больше 200 трудодней. Нормы труда были такими высокими, что редко кто мог заработать полный трудодень даже за двенадцать, а то и больше часов работы во время жатвы. День работы на жатве оценивался всего в три четверти трудодня, а порой и в половину. То есть, на 200 трудодней семья из пяти человек получала лишь около восемидесяти фунтов зерна – пшеничного или ржаного, то есть по шестнадцать фунтов зерна на душу.

При этом следует отметить, что сельское население Украины того времени жило почти исключительно на одном хлебе. Крестьян совершенно лишили мяса, сала, яиц и молочных про-

дуктов. И в селе не было ни бакалейных магазинов, ни пекарень, ни других магазинов с каким-нибудь товаром. Чтобы дожить до следующей жатвы, мы должны были иметь хотя бы по два фунта хлеба в день на душу. А вместо этого мы получили такое количество зерна, которое составляло меньше, чем полтора фунта на душу на целый месяц. Нам обещали, что мы получим больше зерна в конце года, но никто этих обещаний так и не выполнил.

Так же было и с оплатой деньгами. В конце декабря колхозникам выплатили по 25 копеек на трудодень. Семья с двумя сотнями заработанных трудодней получала 50 рублей заработной платы за весь 32-й год. За эти деньги на чёрном рынке можно было купить разве что каких-то три буханки хлеба.

В нормальные времена мы кормились со своих огородов. Они давали нам картошку, капусту, свёклу, фасоль, морковь и другие овощи. Наши традиционные способы заготовки про запас и хранения этих овощей обеспечивали нам достаточно пищи, чтобы всю зиму пережить без особой нужды, если у нас было достаточно хлеба. Даже зимой с 31-го на 32-й год, когда зерна было очень мало, мы как-то выжили именно благодаря овощам. Но 1932 год не был нормальным. В ту весну мы уже пережили тяжкий голод, во время которого люди съели даже семена, из-за чего весной нечем было засадить огороды. Большинство приусадебных участков заросло сорняками. Мы быстро съели то мизерное количество продуктов, которое получили как аванс от колхоза. А поскольку никакой дополнительной помощи не пришло, началось вымирание от голода.

Но голод или не голод, а хлебозаготовительная комиссия продолжала своё дело. Примерно в ноябре 32-го года нам объяснили, что мы начали отставать от плана хлебосдачи государству. Правительство приказало прекратить все авансовые выплаты натурой – больше того, следовало вернуть назад уже выданное зерно и отдать весь посевной и фуражный запас.

Этот приказ оказался мощным толчком для активизации работы хлебозаготовительной комиссии. Прежде норма хлебосдачи определялась налогообложением крестьян соответственно площади посева. Поскольку налог был слишком большой, все запасы зерна исчерпались уже в предыдущие года.

Несмотря на это, государство продолжало налагать новые налоги. Сельские же власти были слишком рьяными исполнителями правительственных предначертаний, из-за чего и дошло до введения нового метода сбора зерна у крестьян. Это были так называемые выкачки хлеба – термин, употребляемый и крестьянами, и чиновниками. Всё количество зерна, которое рассчитывали получить от села, делилось поровну на стохатки, те делили его поровну на пятихатки, а те, в свою очередь определяли, сколько следует сдать каждому хозяйству, которое входило в пятихатку. То есть, если план на пятихатку составлял, например, две тысячи фунтов зерна, то каждое из пяти хозяйств должно было сдать по четыреста фунтов.

Сельское начальство работало оперативно и своё дело исполняло хорошо. На следующем собрании нам было сказано, что всё село – то есть все его подразделения, все официальные лица, все учителя и ученики и, конечно же, каждый колхозник лично, – должны соревноваться между собой в сдаче продуктов. Поэтому собрания становились более продолжительными, начальство – более напористым и безоглядным, а крестьяне падали всё глубже в пропасть отчаяния.

Но всё же сбор пищевых продуктов не продвигался вперёд так быстро, как хотелось начальству. Следовало применить решительные меры, а потому со временем в официальных соображениях зазвучал новый тон: теперь считалось, что крестьяне слишком бестолковые, чтобы осознать такое высокопатриотическое дело, как сбор и передача пищевых продуктов государству. Партия и правительство желают им добра, а если они неспособны по достоинству оценить то, что партия им желает, – тем хуже для них, крестьян. С крестьянами следует поступать так, как с детьми, поэтому партия и правительство занимают место родителей. Крестьяне должны слушаться партию и правительство, и точка. Другого выхода нет. И как родители наказывают непослушных детей, так партия и правительство будут наказывать непослушных крестьян.

В соответствии с этой философией комиссия перестала просвещать нас на тему важности сдачи пищевых продуктов. Власти прибегли к другому средству. Говоря официальным языком, это было "непосредственное общение служебных лиц с на-

родными массами". А на обычном языке это означало, что хлебозаготовительная комиссия получила полномочия посещать хату каждого отдельного крестьянина.

Члены комиссии заявлялись в определённую хату и объявляли хозяину, сколько и какого именно пищевого продукта он должен сдать. Если у него не было никакого зерна, комиссия приступала к тотальному обыску, выискивая "припрятанные излишки". Всё найденное, ясное дело, конфисковывали.

Тысячники и их сообщники могли теперь делать всё, что угодно, не обращая внимание на какие-либо правовые формальности. Они могли прибегать к любым хитростям и угрозам, чтобы заманить или силой загнать крестьянина в свою западню. В этом хождении от хаты к хате, в этих обысках и конфискациях всего, на что они положили глаз, они удовлетворяли свою жадность и преступные наклонности, а одновременно успешно служили партии и правительству.

Иногда эти официальные лица вели себя так безрассудно, что мы просто поражались. Они часто просто забавлялись своим оружием. Бывало, шутя устраивали поединок. Благодаря этому мы узнали, что у них у всех было оружие. Во время ежедневных обходов села они порой стреляли во всё, что двигалось. Случалось даже, что они устраивали имитацию расстрела того или иного крестьянина.

Я сам был свидетелем такого случая: один наш сосед не мог выполнить сдачи своей нормы зерна. "Товарищ тысячник", председатель комиссии, решил "научить" его выполнять распоряжения. Он объявил, что наш сосед будет расстрелян за "сопротивление партийной политике". Приговор должен быть исполнен немедленно в саду за соседской хатой. Очевидно, "товарищ тысячник" рассчитывал на то, что сосед будет умолять о снисхождении и пообещает сдать нужное количество зерна. Члены комиссии подозревали, что это "спрятанное зерно" где-то всё же у него есть. Но нашего соседа не так легко было запугать.

— Воля ваша, — спокойно сказал он удивлённым активистам. — Я готов, кончайте дело.

И он повёл их в сад. Там они завязали ему глаза и спросили в последний раз, сдаст ли он добровольно зерно. Он ответил,

что сдавать ему нечего. "Товарищ тысячник" поднял вверх наган и пальнул над головой соседа. Потом ему развязали глаза и снова задали тот же вопрос. Ответ снова был тот же самый. Тогда ему ещё раз завязали глаза – пули снова просвистели у него над головой, но он всё стоял на своём. Тогда смех членов комиссии перешёл в ярость. Они ушли, ничего не добившись на этот раз, но пообещали вернуться и проучить его уже "по-настоящему".

То, что когда-то было "натуральным налогом", затем "государственной хлебозаготовкой", а позднее "изъятием зерна для потребностей социалистического строительства", теперь превратилось в обычный грабёж. Комиссия без удержу ходила от хаты к хате, днём и ночью выискивая "спрятанный хлеб". В каждой комиссии были свои специалисты в этих поисках. У них были специальные орудия – длинные металлические прутья с резьбой и заострёнными концами, служившие для того, чтобы протыкать стожки сена или стога соломы, а также соломенные стрехи крестьянских хат. Члены комиссии рыскали всюду: проверчивали дырки в земле – в садах, во дворах и огородах, земляных полах хат и в сараях. Они искали зерно под кроватями, в погребах. Они никогда не забывали заглянуть в печи и топки, на полки и под полки, в сундуки и дымоходы. Они замеряли толщину стен и искали в них пустоты, где могло быть спрятано зерно. Иногда разбивали стены, которые казались им подозрительными, или вынимали по кирпичу, а то и вовсе разваливали печи и печурки. Не было в хате ничего, что бы они не испортили или не перещупали. Они переворачивали всё: бдительно обыскивали даже колыбельки младенцев да и самих младенцев, не говоря уже о других членах семьи. Они искали "припрятанные излишки зерна" в одежде и под одеждой мужчин и женщин. Конфисковывалась любая малость, которая попадалась им на глаза. Если находили хоть маленькую жестяночку или кувшин с семенами для огородной грядки, то и это всё отбирали, а владельца обвиняли в припрятывании пищевых запасов от государства.

Однажды комиссия пришла в нашу хату, ведя за собой коня на поводу. Зачем? – удивлялись мы. А затем, оказывается, чтобы конь отыскал зерно в земле. "Поисковый спец" водил коня по всему двору. Сначала мы не могли понять, что означала эта це-

ремония. Но вскоре выяснили, что конь, как считалось, никогда не наступит на зыбкую землю над ямой: он или резко остановится перед ней, или перепрыгнет её. А это был знак для комиссии браться за лопаты и откапывать спрятанное зерно. К счастью, у нас не было таких хранилищ в земле.

Под конец 1932 года мы не раз слышали объяснения, почему активисты продолжали искать зерно в наших хатах. Причина, оказалось, очень простая: поскольку мы были ещё живы, то выходило, что мы что-то едим, чтобы оставаться живыми. Мы не выполнили плана сдачи зерна и без конца жалуемся, что нечего есть. Но мы же живём! Значит, должны иметь продукты – только где? Где-то же они должны были быть! Активисты чувствовали, что не справляются со своими обязанностями, если не находят припрятанных пищевых запасов. Это их раздражало и злило, и они становились ещё более злыми и жестокими.

Следили за нами день и ночь. Например, нас предупреждали, что сельские ветряные мельницы находятся под бдительным наблюдением. Если кто-то нёс к мельнице немного зерна, чтобы смолоть на муку, то мог быть уверен, что комиссия налетит к нему во двор, едва он вернётся домой. Но такие случаи были очень редки, потому что в то время у нас уже не было зерна. Сельские мельницы так и стояли без дела.

В питании украинских крестьян главными подуктами, кроме пшеницы и ржи, были ещё такие зерновые культуры как просо и гречка. Чтобы приготовить просо или гречку к варке, у каждого хозяина была собственная ступа – простая деревянная посудина для очистки зерна. И вот в один из дней в конце ноября 32-го года было объявлено, что по однозначному приказу "товарища тысячника" должны быть уничтожены все ступы. Следующие дни стали свидетелями бессмысленного уничтожения этой утвари. Члены комиссии, вооружившись топорами, ходили от хаты к хате и рубили ступы на мелкие щепочки, даже не объясняя нам, зачем это делается. А если у кого и было немного проса или гречки, тот должен был находить какой-то другой способ очистки зерна.

Дым, который вился над трубой, мог причинить хлопоты дому, будучи безошибочным доказательством того, что в хате готовится что-то съедобное. Представители власти давали ин-

струкции своим подчинённым, чтобы те внимательно присматривались к трубам. В нашей стохатке, например, специально назначили одного следить за дымом. Его обязанностью было глаз не спускать со всех усадеб стохатки день и ночь и сообщать тысячнику о каждой хате отдельно, из которой шёл дым. Под особенно бдительным надзором были жилища крестьян, заподозренных в том, что они "запаслись хлебом". Комиссия немедленно проведывала те хаты, над которыми появлялся предательский сигнал – дымок. Если там варили кашу, то хозяина долго допрашивали, а кроме того, проводили тщательный обыск. Употребление зерна до полного выполнения нормы хлебосдачи считалось незаконным и сурово каралось. А поскольку наше село плана хлебозаготовок ещё не выполнило, то мы, варя и употребляя кулеш, тем самым "преступно присваивали себе социалистическую собственность в своих личных интересах". Государству нужно было сдать даже самую малую горсть зерна.

Опасность для хаты, из трубы которой шёл дым, была ещё и в том, что дым приманивал воров. Грабители в то время интересовались только продуктами, всё равно – сырыми или варёными. Мы часто слышали, что творились ужасные преступления из-за пары картофелин или горшка гречневой каши.

Был ещё один способ, к которому прибегали, чтобы узнать, есть ли у хозяина спрятанное зерно или другие пищевые припасы: арест и заключение. Как я уже вспоминал, заключённым сельской тюрьмы тюремщики ничего не давали есть: кормить их должны были родственники. И вот одному из тысячников пришла в голову гениальная идея – бросить подозреваемых в "припрятывании продуктов" в тюрьму и посмотреть: что будет дальше?

Эту идею приняли весьма восторженно и вскоре пошли слухи о вовсе беспричинных арестах: арестовывали только для того, чтобы узнать, будут ли приносить арестантам из дома еду и какую именно. Но этот фокус не удался. В селе уже действительно не было продуктов. Принести в тюрьму еду значило подвести арестованного члена семьи, да и всю семью, под большие неприятности. А этого никто не хотел делать даже ради родного отца.

В ноябре 1932 года страдания наших крестьян стали доходить до такого уровня, как было в голод предыдущей весной.

Тот первый голод принёс несказанные муки, но всё же тогда было не без лучика надежды: стояла весна, и мы все молили Бога, чтобы свеженькие овощи или там ягода дали нам дотянуть до жатвы. Осенью же ситуация была совсем иной. Урожай 32-го года был хороший, но всё забрало себе государство. Колхозников оставили без хлеба, если не считать той мизерной натурплаты, выданной наперёд за целый год труда. До конца ноября наши запасы исчерпались. Мы остались без продуктов и не имели денег, чтобы их купить. Засушенные и заготовленные лесные ягоды, съедобные корни, капуста и тыквы, свёкла и сушки из сада – всё уже было съедено. И не было надежды получить откуда-нибудь новый запас каких-то продуктов. А нас ждала суровая зима с морозами и большими метелями, которые – мы это знали – будут длиться до конца марта или даже дольше. И снова, как во время голода весной, по селу бродило много нищих, которые умоляли, чтобы их спасли от смерти. Они просили хоть корочку хлеба, каких-нибудь объедков, очистков. Опять можно было видеть, как оголодавшие люди в обносках и лохмотьях бродят по картофельному полю, выискивая несобранную картошку. Опять голодные крестьяне, похожие на живых скелетов, мыкались по лесу, вдоль речки и в самой воде, надеясь найти там что-либо, годящееся для еды. И сейчас они так же шли в города, к железнодорожным станциям и линиям, в надежде найти что-нибудь съедобное после пассажиров.

По сравнению с другими крестьянами наша семья лучше приспособилась к тому, чтобы пережить зиму. Из той нужды, которую мы пережили во время голода минувшей весной, мы сделали вывод, что нужно очень тщательно подготовиться и принять особые предупредительные меры, чтобы остаться в живых. Нашей главной задачей было – как спрятать тот убогий запас продуктов, который у нас ещё был, от всевидящих глаз начальников. Перехитрить их было трудно, но наша инстинктивная тяга к жизни сделала нас изобретательными.

Угроза неминуемого голода обострила наш ум, она лишила страха, что нас могут застукать на горячем, и вынудила быть готовыми бороться за свою жизнь смертным боем. Готовясь к долгой зиме, мы знали, что нам нужно перехитрить своих преследователей, если хотим выжить.

Надёжно спрятать продукты было делом нелёгким. Но страх перед невыносимым голодом вынудил нас пойти на такой риск, на какой при других обстоятельствах мы бы сроду не отважились. После долгих размышлений и разговоров на эту тему нашей матери наконец пришла в голову одна очень простая, хоть и чрезвычайно рискованная мысль:

– А почему бы не воспользоваться помощью государства? – сказала она так, будто это было что-то само собой разумеющееся. Мы не поняли, что она имела в виду.

– О чём это вы, мама? – спросил я, совершенно сбитый с толку. – Вы хотите сказать, чтобы просить государство помочь нам? Вы же знаете, что вместо помощи, они уже и так отобрали у нас всё, что было!

– Нет, совсем не то, – ответила она, как обычно, спокойно. – Я думаю, что нам нужно спрятать все наши продукты в яму на государственной земле.

Мы с ней согласились. Идея была прекрасная! Логика мамина была простая: никому из начальства даже в голову не придёт, чтобы кто-то осмелился спрятать от государства продукты в земле, принадлежащей государству. Любое использование государственной собственности в личных целях сурово каралось законом, но мы решились пренебречь этим законом, и таким образом спасти себе жизнь.

Как мы и предполагали, хлебозаготовительная комиссия обыскала весь наш двор и сад, но не потрудилась перешагнуть через межу на государственное имущество – на прилегающие песчаные участки за селом.

Во время жатвы мы с братом не тратили времени даром. Как бдительно не стерегли урожай, мы смогли собрать достаточно пшеничного зерна, чтобы нам хватило на жизнь хотя бы до следующей весны. Мы были шустрые парни, быстрые на ноги, знали каждую тропинку, каждый куст вокруг села и знали, как не попасться кому-то на глаза. Оставалась только одна проблема – как спрятать зерно. А теперь наша мать нашла решение этой проблемы.

Мы закопали немного картошки и зерна в нескольких местах на узком клочке земли возле леса. Это был песчаный холм, земля непригодная для обработки, буйно поросшая ивняком,

так что нам легко было замаскировать наши тайники. Зимой эти тайники занесло снегом, и мы их не трогали. Но весной, когда снег растаял, эти запасы стали нашим единственным средством существования. Мы раскапывали эти укрытия ночью, набирали себе немного картошки и зерна — так, чтобы хватило на несколько дней, — и потом опять закрывали их и притряхивали землёй. Наши ночные вылазки к этим тайникам относятся к моим незабываемым переживаниям. А та картошка и то зерно были драгоценнейшим сокровищем, которое когда-либо закапывалось в землю.

В течение зимы мы употребляли продукты, припрятанные в других местах, например в дуплах деревьев или в стрехе. Мы прятали зерно в небольших мешочках в разных местах — так, чтобы их можно было вынимать по одному. Вынув какой-то из запасов, мы его сразу же варили и съедали. И приготовление пищи, и поедание происходило ночью. У нас всё ещё было немного картошки, кислой капусты и солёных огурцов, полученных как аванс натурой за труд в колхозе. Это были наши единственные продукты, но с каждым днём эти запасы уменьшались и уменьшались, и мы содрогались при мысли, что однажды комиссия может застукать нас именно тогда, когда мы будем есть пшеничную кашу...